

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Л. П. МАРИНОВИЧ, *Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса*, М., «Наука», 1975, 275 стр.

Начинающий филолог-классик или студент-историк уже на второй год обучения, читая «Анабасис» Ксенофонта, сталкивается с таким характерным для конца V, IV и более поздних столетий явлением, как наемничество. Наемный воин — характерная фигура в составе населения греческих полисов. Между тем в русской литературе по античному миру не было книги, специально посвященной вопросу о наемничестве. Этот пробел в настоящее время восполнен благодаря труду Людмилы Петровны Маринович.

Автор рецензируемой книги отмечает отсутствие у специалистов единого общего мнения о причинах распространения наемничества. Бесспорный факт — наличие огромного числа людей, готовых за хорошее вознаграждение служить наемниками в любых войсках, — не нашел себе до сих пор обоснованного объяснения. «Даже получившее довольно широкое распространение мнение о массовой концентрации земли и обезземеливания крестьянства подвергается в настоящее время критике» (стр. 4 сл.). Автор книги отмечает работы (Файн, М. Финли, Л. М. Глускина), доказывающие необходимость ограничения традиционных представлений о концентрации земли в руках крупных собственников и в результате этого — обезземеления крестьян; менее справедливо распространять на всю Грецию условия, существовавшие в Аттике. Впрочем, никому еще не удалось доказать, что преобладающим видом земельной собственности в Аттике IV в. до н. э. была мелкая крестьянская собственность. Существование ее в IV в. до н. э. в Аттике хотя и не вызывает сомнения, но не может служить аргументом против утверждения о наличии тенденции к концентрации земли.

В самой общей форме автор выдвигает положение об «обеднении масс» как причине распространения наемничества (стр. 5), но сослаться на «обеднение» без всяких пояснений равносильно отказу от всяких объяснений, тогда как признать в качестве одной из причин обеднения обезземеление не значит погрешить против правила осторожности, тем более что таким путем была бы получена и одна из главных причин обострения социальной борьбы.

Оригинально выдвинутое положение — идти в исследовании не от кризиса к наемничеству, а от наемничества к кризису — влечет за собой требование рассматривать наемничество как таковое, изучать возникновение и развитие наемничества, опираясь на источники, используя непосредственные свидетельства о составе наемных войск и о причинах, побуждавших людей идти в наемники.

После предварительных замечаний Л. П. Маринович переходит к истории вопроса. С большим знанием дела и добросовестностью перечисляются, в сопровождении содержательных аннотаций, отечественные и зарубежные работы, имеющие отношение к теме. В конце своего введения автор дает читателю план книги. Первая часть ее посвящена динамике развития наемничества следующих периодов истории Греции: конец V — начало IV в. до н. э.; период Второго Афинского морского союза и преобладания Фив (80—60-е гг. IV в. до н. э.); период возвышения Македонии и падения независимости Греции (50—30-е гг. IV в. до н. э.). Таким образом, хронологически книга

охватывает время от Пелопоннесской войны до битвы при Херонее. Вторую часть книги составляет разбор основных черт наемничества. Основной источник каждой из главных проблем — «Анабасис» Ксенофонта. Кроме того, для выяснения места наемников в жизни отдельного полиса использован трактат Энея Тактика «О перенесении осады», а также речи Исократ (на которые, как показала Л. П. Маринович, исследователи до сих пор обращали мало внимания) для уяснения наемничества как большой социальной проблемы и места его в планах завоевания Востока.

Вступление к первой части исследования, озаглавленной «От Кунаксы до Херонее», занимает неполных пять страниц (стр. 18—22). Здесь автор затрагивает вопрос о наемниках во время Пелопоннесской войны. Отсылая к своей более подробной статье (ВДИ, 1968, № 4, стр. 70—90), автор ограничивается изложением основных положений: наемные воины шли из строго определенных районов (Аркадия, Фракция — пельтасты, Крит — лучники, Родос — пращники; именно в этих областях возникла потребность отдавать избыточное население); нанимателями воинов были два государства, боровшиеся за гегемонию (Афины и Спарта).

В главе I «На рубеже веков» (стр. 23—53) речь идет о судьбах наемничества в начале IV в. Сделанный с большим искусством анализ данных «Анабасиса» Ксенофонта, иллюстрированный двумя таблицами, наглядно показывает эволюцию наемничества в первых десятилетиях IV в. до н. э. Наблюдается увеличение количества наемников, расширение числа областей, поставивших наемных воинов и их начальников. Преобладают, правда, аркадяне, как это было и в предшествующий период. Характерной фигурой этого времени был фиванец Киратад, который, по словам Ксенофонта (Anab. VII, 1, 33), не будучи изгнанником своего отечества, в разных частях Эллады предлагал полисам и племенам свои услуги в качестве военачальника. Оказывается, далеко не все наемники поступают на службу из нужды, хотя в значительной степени источником пополнения этих войск оставались разоренные войной народные массы. Важными явлениями в истории наемничества были: набор греческих наемников персидскими царями и сатрапами; реформа Ификрата, т. е. организация им наемного войства из пельтастов. Самое слово «пельтаст» стало синонимом наемного воина (Plato, Theaet., 165 d), а пельтаст — наемник стал противопоставляться гоплиту — гражданину. Претерпело изменение и финансирование армии наемных сил: теперь полководец обеспечивает своих наемников всем необходимым за счет военной добычи (война прокармливает себя сама); таким образом создается основание для независимости войска от полиса. Свои положения автор удачно подкрепляет историческими примерами.

Глава II — «Время Ификратовых пельтастов — 80—60-е гг.» (стр. 54—72). Это время отличается сильным развитием наемничества. Из собранных автором фактов следует, что не только в крупнейших греческих государствах (Афины, Спарта, Фивы), но и в более мелких наряду с гражданами — гоплитами армия в значительной степени пополнялась наемниками — пельтастами. Любопытны некоторые факты: Пелопоннесский союз в 382 г. при подготовке к Олинфскому походу принял решение, позволявшее членам союза заменять поставку воинов в союзное войско внесением определенной суммы денег — за гоплита три эгинских обола (видимо, в день), за всадника — вчетверо больше (X e n., Hell, V, 2, 20—22). Девяги, полученные таким образом, шли на плату наемным воинам (стр. 63). Автор разбирает также события на Керкире, описанные Ксенофонтом (Hell., VI, 2, 5 слл). Когда спартанский полководец Мнасипп, высадившийся на острове с войском наемников, не пожелал расстаться с деньгами союзников, предназначенными для оплаты наемных воинов, он вызвал этим недовольство в войске, оказался лицом к лицу с разложением наемного войства и потерпел поражение от керкирян. На историческую арену выступают государства-полисы Беотии и Аркадии, прежде не игравшие видной роли. Аркадские полисы, ранее выставившие большое количество наемников другим государствам, теперь используют своих воинов для своих собственных нужд. Специфические воины Аркадского союза спариты, как и фиванский «священный отряд», складываются как особая профессионально-военная организация внутри гражданского войска (стр. 68); последнее в немалой степени было обязано своими успехами именно этому профессиональному ядру.

В III главе (стр. 73—97) использованы речи Демосфена. Бесспорный вывод: в армии заметно увеличивается удельный вес наемников сравнительно с гражданами. Когда Демосфен, требуя создания небольшой армии, содержание которой по силам его отечеству, видит спасение в том, чтобы граждане составляли одну четверть всей армии (стр. 75), — уже одно это ярко характеризует положение дел. Здесь можно было бы вспомнить замечание Аристотеля в «Афинской политике» (26, 1): после реформы Эфиальта, подорвавшей значение Ареопага (462/1 г. до н. э.), государственный строй Афин распался, чему способствовали и отсутствие надлежащих руководителей у «порядочных людей», и гибель большого количества «порядочных» людей из-за неопытности полководцев во время походов. Для выступления в поход в то время людей набирали по «списку» граждан, т. е. из граждан, а не из наемников, как это было во времена Аристотеля. Демосфен ратует за армию, состоящую (хотя бы частично) из граждан, Аристотель показывает, что при некоторых обстоятельствах армия, составленная из граждан, несет невоснаградимые потери. Не забудем при этом существенное различие в положении обоих этих людей в Афинах: патриот своего отечества Демосфен и близкий к македонскому двору метек Аристотель. Из речей Демосфена мы видим еще одно отрицательное в смысле интересов полиса явление: утрату полисом контроля над действиями полководцев, командовавших наемным войском. Такие полководцы, особенно если они не получали от государства достаточно средств для выдачи жалования войску, были склонны действовать на свой страх и риск, так что даже государственные люди полиса могли не знать места нахождения войска наемников. Очень наглядно подана ситуация времен фокидских полководцев — кондотьеров Филомела, Ономарха, Фаилла, Фалека (стр. 85—91). Далее выясняется роль наемников в македонской армии. Филипп набрал наемников для гарнизонной службы в отдаленных районах, для помощи отдельным греческим полисам, а также для поддержания некоторых тиранов (стр. 91—97).

В главе IV — «Наемники на Востоке — в Малой Азии и в Египте» (стр. 98—121) с достаточной подробностью показано увеличение предложения греческих наемных военных сил и соответствующее увеличение спроса на них со стороны персидских царей, сатрапов и царей Египта, боровшихся против персидского господства. В войска боровшихся властителей входили греческие наемные контингенты, боевые качества которых ценились очень высоко.

На этом кончается первая часть исследования, которую можно назвать исторической. Вторая часть, несшая скорее систематический характер, озаглавлена «Характерные черты наемничества IV в. до н. э.». В этой части книги три главы: «Наемная армия» (стр. 122—177); «Наемники и полис: некоторые аспекты социальной борьбы» (стр. 178—214); «Наемники и Эллада — наемничество как общегреческая проблема» (стр. 215—243).

В первой из этих глав трактуются вопросы внутренней жизни наемного войска. Исходя из такого надежного источника как «Анабасис» Ксенофонта и из других источников («Воспитание Кира», Фукидид, афинские ораторы, так называемая аристотелевская «Экономика», Эней Тактик и некоторые другие), автор убедительно воссоздает условия жизни и отчасти психологию греческого наемника. Автора интересуют причины, побуждавшие грека стать наемным солдатом; далеко не всегда это была бедность, здесь могли действовать и жажда обогащения и честолюбие (стр. 127 сл., стр. 159). Не всегда наемный воин думал о возвращении на родину (стр. 131 сл.), а это значит, что на исторической арене появился воин-профессионал. Заметный процент в наемном войске составляли политические изгнанники, вынужденные покинуть свой родной полис из-за гражданских распр (стр. 135). Вопрос об оплате наемников представляет значительные трудности из-за нечеткости в терминологии (т. е. в обозначении разных видов вознаграждения — денежного и натурального), особенно во второй половине IV в. до н. э. (стр. 143 сл.). Неясность присуща и сообщениям источников о размере вознаграждения, выплачиваемого наемникам (стр. 151 сл.). Читатель, ищущий в книге не готовых скороспелых ответов, а подлинных научно проверенных выводов будет признателен автору за подробный анализ данных и их интерпретацию. Яркими примерами иллюстрирует Л. П. Мариневич тенденцию наемных полководцев содержать свое вой-

ско за счет ограбления жителей занятых территорий и за счет добычи (стр. 159 сл.), а также неприятное положение, в каком оказывались полисы и отдельные полководцы в случае затруднений со своевременной выплатой денег наемникам (стр. 168 сл.). С выводом автора о том, что наемничество не принадлежало к числу выгодных профессий (стр. 173), можно было бы согласиться в том смысле, что оно не принадлежало к бесспорно доходным занятиям, всегда и при всех условиях приводившим к обогащению; возвращение после победы с большой добычей и смерть во время похода или в бою — вот два полюса, между которыми располагались разнообразные возможности исхода войны для наемника. Эффективной концовкой главы служит исторический факт: поведение греческого наемного войска, потерявшего своих начальников; наемники, истинные сыны античного полиса, устроили в глубине подвластных персидскому царю стран подобие народного собрания, на котором выбрали новых начальников (Xenoph., Anab. III, 1, 33 сл.). Автор видит в этом факте признак возникновения новой формы политической организации, которая была построена на иных принципах, нежели полис, и в какой-то мере предвосхищала отношение между правителем эллинистической эпохи и его армией (стр. 177).

В следующей главе (стр. 178—214) изучается вопрос о некоторых аспектах социальной борьбы в полисах и связь ее с наемничеством. Здесь в центре внимания автора — трактат Энея Тактика о защите осажденного города. Л. П. Маринович приходит к следующему выводу: произведение следует датировать 50-ми годами IV в.; Эней Тактик, возможно, стимфалиец, стратег Аркадского союза, общавшийся с греками из разных областей, скорее всего — наемниками. В трактате отражается тревожная обстановка в греческих полисах, где вражда среди граждан дает себя знать не только в мирное, но и в военное время и принуждает опасаться враждебных выступлений против существующего строя. Не соглашаясь ни с теми, кто видит в Энее приверженца олигархии, ни с теми, кто говорит о его демократических симпатиях, Л. П. Маринович, проявляя должную осторожность в оценке имеющихся данных, фиксирует свое внимание на назначении и содержании трактата. По мнению Л. П. Маринович, «сказать о политической его (Энея) приверженности что-либо определенное вряд ли возможно» (стр. 192); когда он предлагает меры против противников власти, он оставляет без ответа вопрос, какова эта власть и кто на нее покушается. Непосредственно к теме книги относятся те главы сочинения Энея, где фигурируют наемники (стр. 199 сл.). Анализируя эти главы, автор доказывает, что Эней не спускает глаз с наемного войска, присутствие которого в греческих полисах IV в. до н. э. было обычным явлением, не требовавшим даже всякий раз особой оговорки. В наемном войске Эней видел силу, хотя и нужную полисам, но крайне опасную для них, если среди граждан было несогласие. Л. П. Маринович подробнее останавливается на тех эпизодах, где Эней говорит о непосредственном участии наемников в социальной борьбе, происходившей в полисах. Бывали случаи, когда наемники захватывали город и становились его хозяевами, действуя в интересах какого-нибудь тирана, той или иной социальной группы. Любопытны рекомендации Энея касательно найма полисами воинов и управления ими (стр. 205 сл.). Несколько страниц уделено автором рассмотрению разных типов тираний и использованию ими наемных сил (стр. 210 сл.). И здесь можно было бы вспомнить замечание Аристотеля: царя охраняют граждане, тирана — наемники (Polit., III, 9, 4, 1285a, 25).

Для главы «Наемники и Эллада» (стр. 215—243) источником служат речи Исократ. Рассмотрение их в хронологическом порядке позволило Л. П. Маринович проследить колебания в отношении оратора к наемникам, зависевшие от общей ситуации в Греции. Автор старается не упускать из виду ни одних прямых или косвенных высказываний Исократ о наемниках. Так интенсивное использование источника дало свои плоды: мы получили прекрасный очерк взглядов оратора на наемников в разные периоды его жизни. В последних речах Исократ «наемничество становится одной из основных тем» (стр. 242). Наемники представляются социально-опасной силой, угрожающей спокойствию и материальному положению состоятельных граждан; они легко становятся орудием в руках честолюбцев, стремящихся к тирании. Большие массы наемников следовало бы, по мысли оратора, направить на Восток, где они, во-первых, по-

могли бы сокрушить не слишком мощную Персидскую державу, а во-вторых, могли бы быть использованы для колонизации большой полосы земли в Малой Азии. Таким образом, получится выгода и для наемников, благодаря тому, что они осядут на земле, и для Эллады, так как наемники из вредоносной силы превратятся в оплот греческого мира.

Заключительная часть книги носит заглавие «Наемничество и кризис полиса» (стр. 244—271). Здесь читатель на некоторых страницах найдет повторение сказанного в других главах. Ценность главы, однако, не в ее резюмирующих частях, а в тех новых аспектах, в которых автор подает здесь проблему наемничества. В первую очередь автор занят выяснением связи между наемничеством и развитием товарно-денежных отношений (стр. 244—255). Выясняется влияние наемничества на разные стороны жизни Греции, и в том числе, особенно, на экономическую. На читателя не может не произвесть впечатления продуманность этой главы и выставленное автором требование изучать наемничество как показатель кризиса полиса в IV в. до н. э. и другие соображения автора (стр. 265 сл.).

Никакой подробный пересказ не заменит, естественно, богатую фактами и мыслями книгу. Цель настоящей рецензии — побудить читателя ознакомиться с полезным, серьезным, основательным, широко задуманным и блестяще выполненным трудом. Значение научной книги определяется не только количеством информации, которое она дает читателю, не только оригинальностью мысли или основательностью истолкования фактов, но и тем импульсом к дальнейшей работе, какой возникает у читателя при чтении книги. В этом смысле труд Л. П. Маринович может удовлетворить самые высокие требования. Прежде всего он способен вдохновить читателя на продолжение работы с расширением хронологических рамок. Затем читатель может заинтересоваться психологией наемников, и толчком к этому могут послужить замечания Л. П. Маринович. Констатируется беспринципность, алчность, временами проявляющаяся неустойчивость и ненадежность наемников. В этом, разумеется, нет ничего удивительного. Вполне естественны вопросы, которые задавали Киру греческие наемники, торговавшие своей жизнью, относительно ожидавшего их вознаграждения (Anab. I, 7, 8). Но исчерпывалась ли перечисленными свойствами характеристика наемного воина? Не откроют ли нам еще что-нибудь эпиграфические и литературные памятники, благодаря которым до нас доходит голос самих наемных воинов? Могут пригодиться и Абу-Симбельская надпись греческих и карийских наемников Псамметиха (I или II) Египетского, и некоторые стихи Архилоха и Феогнида. Мы видим, что наемный воин не чувствовал себя приниженным. Его хлеб и вино заключались в его копьё, но в таком признании для него не было ничего позорного. Вероятно, и в надгробных надписях найдется некоторый материал для характеристики наемных воинов и — главное — их самосознания. Трудность здесь заключается главным образом в том, что слова «наемник» («ксенос») в эпитафиях (по крайней мере в стихотворных эпитафиях, изданных Пееком) не имеется. Само собой разумеется, указание на то, что погребенный пал, защищая свободу отечества, исключает всякую возможность думать о наемном воине. Но может ли отсутствие упоминания о том, что человек, павший на войне, защищал при этом свое отечество, служить признаком надгробия именно наемника, — это решить нелегко. Очень вероятный случай надписи на могиле наемного воина: № 131 КВН. Менодор, сын Аполлония, был уроженцем Синопы, которую он наделяет поэтическим эпитетом «венчанная морем» (ср. эпитет с тем же значением при названии острова Фасоса — сборник Пеека № 2038, стр. 16). Надпись относится ко второй половине I в. до н. э. — началу I в. н. э. Менодор пал, пораженный копьем, был погребен в боспорской земле в возрасте 61 года, после того как он «изрубил много кровавых вражьих доспехов». Издатели¹ и комментаторы² отнеслись с большим вниманием к языковому и литератур-

¹ Л а т ы ш е в, IOSPE II, № 298 — КВН № 131.

² P. W a l t e r s, Rheinisches Museum für Philologie, N. F. 41, 1886, стр. 347 сл.; H. J. P o l a k, Minutiae epigraphicae, «Mnemosyne», N. S., 15, 1887, стр. 240 сл.

ным особенностям эпитафии, но прошли мимо вопроса о социальном положении Менодора. Нельзя ли предположить, что старый воин был наемником на службе у царей Боспора? Обосновавшись на Боспоре (возможно, в Пантикапее), где у него была семья (жена и дети), он участвовал в военных предприятиях боспорцев и пал в бою. Эпитафия отражает гордость наемника своей профессией, а последние два стиха говорят об известном уважении, каким пользовался Менодор среди населения государства («и после смерти и при жизни ты всегда был всем в высшей степени дорог»).

А. И. Доватур